

Евгений Катков

Собеседники

ЕВГЕНИЙ КАТКОВ

Собеседники

«Издательские решения»

Катков Е.

Собеседники / Е. Катков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934548-6

В этой книге собраны ряд статей написанных после 2008 года. Размышления с Гомером о войне и мире. Поиск России в произведениях Пушкина. Событие интернета и цифровых технологий в ракурсе Библии. И небольшой отклик к фильму «Левиафан» Андрея Звягинцева.

ISBN 978-5-44-934548-6

© Катков Е.
© Издательские решения

Содержание

ГОМЕР. ИЛИАДА	6
Предисловие: из военного недавнего	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Собеседники

Евгений Катков

© Евгений Катков, 2018

ISBN 978-5-4493-4548-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГОМЕР. ИЛИАДА

Предисловие: из военного недавнего

Ина Павловна Кузнецова врач, доктор медицинских наук. В 1945 году сразу после окончания 1-го Московского мединститута получила направление на работу в лагерь для военнопленных в Рязанской области. Позже опубликовала книгу воспоминаний «Зона милосердия», где приводит следующий случай.

«В одной партии поступивших из лагеря был больной, 35-летний внешне крепкий и красивый мужчина. Он резко контрастировал с остальными «полуживыми» больными. В сопровождающей медицинской документации стояло: «Диагноз – бессонница, не спит 15 дней».

Больного поместили в одно из терапевтических отделений. Он был совершенно спокоен, никаких жалоб, кроме невозможности заснуть, не предъявлял. Невропатолог Мюллер – Хегеман (из пленных) поставил диагноз что-то вроде нервного расстройства или переутомления и начал лечение. В течение нескольких дней на утренней конференции дежурный врач докладывал, что больной не спит. Собрали консилиум, добавили каких-то лекарств.

Примерно через месяц после его поступления я, как дежурный врач, делала обычный вечерний обход.

И тут я увидела его впервые. Он был адекватен, правильно отвечал на вопросы. К этому времени он уже спал по три часа за ночь и жалоб не предъявлял. Очень удивился моему немецкому языку. Ему явно захотелось поговорить с русским доктором. Начал рассказ о себе скороговоркой, торопясь, с постепенно нарастающим волнением. Ему 35 лет, он инженер, женат, имеет сына, о семье ничего не знает, на войне более 4 лет, в плен попал под Сталинградом. Это слово он произнес очень четко, без акцента.

Я прервала его, сказав, что должна продолжать обход, пообещала непременно зайти на днях, чтобы дослушать его рассказ. И ушла.

Меня позвали к нему в половине четвертого утра. По словам сестры, он после моего ухода долго лежал тихо, казалось, что задремал. Прошло несколько часов. Вдруг – очнулся, позвал сестру и почти приказным тоном сказал:

– Пригласите ко мне доктора, который говорит по – немецки!

Сестра ответила, что не видит в этом необходимости. Он раздраженно поднял голос – начал кричать, настаивать на своем.

В госпитале никогда ничего подобного не случалось. Сестра с испугом прибежала ко мне.

Когда я вошла в палату, внешне он казался спокойным. И вдруг:

– Доктор, вы русская? – тон звучал как допрос.

Машинально я ответила: «Да». Он посмотрел мне прямо в глаза:

– Я хочу рассказать вам про Сталинград. Вы еще молоды, этого не знаете, – он уже говорил громко и возбужденно, – мой рассказ вы передадите внукам!

Это уже был почти крик. Уговоры были бесполезны. Он слышал только себя. Распорядившись сделать повторный успокоительный укол, который он, кстати, даже не заметил, я села к его постели. Двое больных на соседних койках боязливо выглядывали из-под одеяла.

То, что больной выкрикивал, «выбрасывал» из своей груди, из своего разрывающегося сердца – передать невозможно. Его бледное лицо покрылось

красными пятнами. Широко раскрытые, с пугающим блеском глаза ничего не видели вокруг. Он весь был снова там, где с неба сплошным, не прекращающимся потоком лилось пламя, где таким же непрерывным потоком лилась кровь. Она смешивалась с землей, и, принимая огонь, воспламенялась сама. Свистящее и бушующее пламя сливалось со стоном и скре-

жетом металла. Людей словно не существовало. Действовали могучие злые чудовища. Совершенно очевидно, что человек не может создать подобное.

Все вместе взятое: метущийся человек с горящими глазами, ярко нарисованная им картина, ощущение мистического ужаса, который я испытывала, слушая и представляя это, лишало действительность реальности. Больной вскочил с постели, продолжая с жаром жестикулировать, а я мучительно думала:

– Ну когда же наконец, подействует лекарство? Должно же оно подействовать.

Ошеломленная сестра, машинально ухватившись за спинку кровати, приоткрыв рот, застыла в этой позе.

Через полчаса голос больного стал терять свою силу, между словами появились длинные паузы. Взор погас, голос перешел на шепот и затих.

Вдруг он вздрогнул и, взглянув мне в глаза, совершенно отчетливо, словно в раздумье, спокойно произнес:

– А почему среди всего этого уцелел я – понять невозможно.

Затем голова его упала на подушку, и наступила тишина. Пульс был ровный, давление нормальное, на лице – печать спокойствия. Он спал.

Я отправилась в свой корпус.

Как я узнала потом, к середине следующего дня больной перестал узнавать окружающих, вскоре потерял сознание и умер.

О Сталинградском сражении сняты сотни километров документальных и игровых лент, написаны бесчисленные тома художественной литературы и научных исследований. Прочитав сотни страниц и пересмотрев километры кинолент, я осмелюсь утверждать: ни одному художнику, писателю или ученому не удалось воспроизвести этого адского переплетения столь же ярко и ошеломительно, как это сделал полусумашедший немецкий солдат в ночь моего незабываемого дежурства».

Реальность войны откровенна. Опыт войны в полном своем объеме непередаваем обычными человеческими средствами. Историки спорят. Политические проходимцы пользуются. Ветераны скептически относятся к попыткам художественной реконструкции, сами предпочитают молчать, одергивают уж совсем завравшихся «очевидцев».

Ветераны уходят, и народ понемногу собирается опять воевать.

Гомер свидетель, он первый достоверно написал о войне и мире. О манифестации убийственной ненависти и о чудовищах, вызванных ненавистью, преследующих и планомерно убивающих, всякого человека, возвращающегося с войны. Мы читаем его произведения в доступных переводах Гнедича и Жуковского; для наших целей этого будет достаточно. И сначала будет война.

I. РАСПРЯ

«Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына»

Героическое сознание не требует особого представления русскоязычному читателю. Герои Советского Союза, орденосцы Славы, чуть раньше Георгиевские кавалеры – соответствующие люди у нас в ходу, на виду, чуть ли не в ближайшем окружении. Раскатный голос Левитана и сейчас способен остановить пеструю столичную толпу. «Вероломное нападение... Упорные бои... Проявленные мужество и героизм... Пал смертью храбрых». Вес и ритм этих слов живо окликают моего соотечественника на рубеже тысячелетий, ибо война, так или иначе,

остается грозной близкой стихией, реалией нашего бытия, – это Бездна, которая всегда под ногами.

Имя Ахилла, кстати, также на слуху. Ахиллов бег, Ахиллово сухожилие, Ахиллес-стайер, в изнеможении преследующий неторопливую философическую черепаху. Язык помнит эти сюжеты, потом на Украине (в Украине) до сих пор откапывают монеты, расписные черепки, даже статуэтки, изображающие древнего героя. Так что он тоже наш, почти что русский, этот грек-язычник. Наши предки все были язычниками, весьма воинственными, «шороху наводили» в самом Константинополе. Потому «песнь богини» нас не коробит. «Да, мы умеем воевать». Было бы за что. Хорошо, когда есть за что сразиться с неприятелем, так это встряхнуться, подобраться, да и двинуть в ненавистную рожу, в харю, в башку... По почкам, по печени... И еще в пах, конечно! «Пусть ярость благородная вскипает как волна!» Впрочем, когда дойдет до дела, то и неблагородная, тоже.

Ахилл – замечательный воин. Это что-то очевидное, несомненное и неоспоримое. Бывают такие. Быстроногий, мощный, убийственный, он неизменно разрывает вражеский строй, сокрушает, поражает, преследует, вновь и вновь наступает бегущих. «Мочит конкретно». Трояне находят в нем страшное бедствие, ахейские командиры безоговорочно отличают товарища, отдавая ему первенство в ратном деле. Но Ахилл еще и любим солдатами, слугами, всем народом. В награбленных сокровищах лучшее оружие, упряжь, посуду отбирают для царя, но прекрасную «краснопоясную» юную Брисеиду кудреглавые данаи сами дарят Ахиллу, дабы почтить своего героя, верного соратника, «опору всего ополчения в битве». При всем, при том, Ахилл непосредствен как ребенок, ревнует о чести, плачет о друге, о себе. Жалеет отца своего врага. Ахилл, таким образом, более чем герой, – герой героев, герой задушевный... Сего человека выводит Гомер, воспевает и совершает в нем один из первых в истории труднейший урок смирения.

Суть конфликта, напомню, в следующем. На девятый год затянувшейся кровопролитной войны в лагере ахейцев начался мор. Причину искали и нашли в неблагоприятном проступке царя Агамемнона, который умыкнул дочь местного священнослужителя Хриса, а затем грубо выставил несчастного отца, пришедшего с мольбой и выкупом. Жрец в отчаянье взмолился своему богу, и тот откликнулся. Невидимые губительные стрелы полетели в войско. Казнь будет продолжаться до тех пор, пока ахейцы не вернут деву отцу и не приложат стотельчатую жертву умилоствления Аполлону. В противном случае Троянскую кампанию можно полагать завершеною – это ясно объяснил «верховный птицагадатель» Калхас на общем собрании всех данаев, но предварительно испросил заступничества Ахилла перед царем. И он не ошибся, этот язычник, ни в божеском, ни в человеческом.

Обличенный царь вспылал, обругал пророка, впрочем, ограничился угрозами, а там, скрепя сердце, и согласился отдать деву, но на своих условиях. Хрисеида хороша —

«в душе я желал черноокою деву
В дом свой ввести, предпочел бы ее и самой Клитемнестре,
Девою взятой в супруги, ее Хрисеида не хуже
Прелестью вида, приятством своим, и умом, и делами!
Но соглашаюсь, ее возвращаю, коль требует польза:
Вы же мне в сей день замените награду, да в стане аргивском
Я без награды один не останусь: позорно б то было;
Вы же видите все – от меня отходит награда».

(Ил.1.115—120)

Агамемнон соглашается уступить, но требует соблюдения своих прав, своего достоинства, – нехорошо воинам обирать царя, необходима соответствующая замена «трофея».

Ахиллес возражает.

«Мы (сейчас) не имеем нигде сохраняемых общих сокровищ.
Что в городах разоренных мы добыли, все разделили.
Снова что было дано, отбирать у народа – позорно!
Лучше свою возврати в угождение богу. Но после
Втрое и вчетверо мы, аргивяне, тебе то заплатим,
Если дарует Зевс крепкостенную Троию разрушить».
(Ил.1.125)

Мол, мы твои желания удовлетворим, но позже, после нашей победы, царь! Сейчас не нужно устраивать передел имущества, воинам также нехорошо возвращать трофеи. И потом, кто же будет возвращать! Хрису отказал ты по жадности и надменности общеизвестным, навел беду, теперь же сваливаешь дело на народ, на «добродушных ахейцев»...

Температура спора быстро повышается, возможно, они так и разговаривали, эти античные полевые командиры. Агамемнон, впрочем, более сдержан, страхом ли, положением ли... Ахиллес лепит гневные слова без оглядки: «Славою гордый Атрид, беспредельно корыстолюбивый».

Дальше – больше. Оппоненты скоро оставляют материальную сторону дела, обращаются к моральной. Перед нами две версии позора.

«Главком» Агамемнон представляет и отстаивает права царя, объединившего всех греков. Ахилл тоже вроде бы искренне «болеет за народ». Сам народ при споре начальствующих, безмолвствует, словно великая рыба. В споре же, несомненно, открывается второй план давнего противостояния, обнажается давняя личная вражда.

«Быстро к нему обратясь, вещал Агамемнон могучий:
Сколь ни доблестен ты, Ахиллес, бессмертным подобный,
Хитро не умствуй: меня ни проведешь, ни склонить не успеешь...»

Богоравный Пелид вольно или невольно вынуждает царя проявить слабость. Это невозможно. Царь в ярости спешит заявить свою волю:

«Если сейчас же
Не удовольствуют меня новою мздою сами ахейцы,
Столь же приятно сердцу, достоинством равною первой,
Если откажут, предстану я сам и из кущи исторгну
Или твою, иль Аяксову мзду, или мзду Одиссея;
Сам я исторгну, и горе тому, пред кого я предстану»
(Ил.1.130—135)

Агамемнон, переходя в наступление, сразу предупреждает возможную коалицию «прочих великих», и здесь же – неприметный жест к миру:

«Но об этом беседовать можем еще мы и после,
Ныне займемся делом: кто повезет гекатомбы и деву ко Хрису?»

Нет, таким образом закончить распрю Агамемнону не удастся. Ахиллес оскорблен и возмущен до глубины души:

«Царь, обличенный в бесстыдстве, коварный душою мздолюбец!
Кто из ахейн захочет твои повеления слушать?»

Кто будет воевать под твоим началом! Ахиллес напоминает, почему он под Троей до сих пор «подымает тягчайшее бремя томительной брани». Не из ненависти к Троянам, не для грабежа, – при разделе добычи «дар богатейший тебе, а я с малым, приятным в стан, не ропща, возвращаюсь, когда истомлен ратоборством...»

«Нет, за тебя мы пришли, веселим тебя мы на троянах,
Чести ища Менелаю, тебе, человек псообразный!»

Вот возьму, и отчалою от вас, – сейчас же!

Речи Ахиллеса оставляют сложное впечатление. С одной стороны, он слишком вольно переходит в споре от себя на народ, «ахейн добродушных». Ниже он сам признается посольству ахейских героев, что искал, конечно, своей славы в этой войне. С другой стороны, ввиду дальнейшего повествования его трудно, пожалуй, невозможно заподозрить в стремлении захватить власть. Политический аспект ссоры просто неразличим для этого «ахейского харизматика», поскольку на месте политики у него располагаются какие-то архаичные принципы благородства, доблести и боевого товарищества. Возможно, некоторые специалисты найдут здесь приметы противостояния царских Микен и провинциальной Фтии, о чем будут консультироваться у других специалистов, гадающих на костях, обломках старых черепков и окисленной меди. В нашем тексте очевидно, что Ахилл с изумительной свободой высказывает царю всех аргивян свои замечания. Также и Агамемнон решительно ставит его на место, собственно, что ему остается делать? В царском деле незаменимых людей нет.

«Что же, беги, если бегства ты жаждешь! Тебя не прошу я
Ради меня оставаться... Честь мне окажут другие,
Особо же Зевс-Промыслитель...»

Тебя я ненавижу! Тебе приятны лишь война и раздоры... Убирайся в свою Фессалийскую дыру!

«Я о тебе не забочусь и гнев твой вменяю в ничто,
Больше того – я тебе угрожаю».

Далее – истинное слово властителя:

«Требует бог Аполлон, чтобы я возвратил Хрисеиду;
Я возвращу – и в моем корабле и с моею дружиной
Деву пошлю; но к тебе я приду, и из кущи твоей Брисеиду
Сам увлеку, награду твою, чтобы ясно ты понял,
Сколь я властью выше тебя, и чтоб каждый страшился

Равным себя мне считать и дерзко верстаться со мною»
(Ил.1.175—185).

Здесь Ахилл на какой-то момент потерял дар речи; могучее сердце героя «меж двух волновалось мыслей»:

«Или немедля исторгнувши меч из влагалища острый,
Встречных рассыпать ему и убить властелина Атрида;
Или свирепство смирить, обуздав огорченную душу»
(Ил.1.190).

Только вмешательство богини удержало героев от губительного столкновения. Впрочем, другие ахейцы, наконец обнаруживают себя. Голос народа озвучивает Нестор:

«Ты, Агамемнон, как ни могуч, не лишай Ахиллеса
Девы: ему как награду ее даровали ахейцы.
Ты, Ахиллес, воздержись горделиво с царем препираться:
Чести подобной доньне еще не стяжал ни единый
Царь-скиптроносец, которого Зевс возвеличивал славой.
Мужеством ты знаменит, родила тебя мать-богиня;
Но сильнейший здесь он, повелитель народов несчетных.
Сердце смири, Агамемнон, я, старец, тебя умоляю,
Гнев отложи на Пелида героя, который сильнейший
Всем нам, ахейцам, оплот в истребительной брани Троянской»
(Ил.1.275—280).

Это подлинное слово мудрости, которое во все времена кафолически пробует угодить всем, «и нашим, и вашим», созерцает две правды, два пути, ищет возможность сопоставить различное и требует гармонии, но сейчас, в этом повествовании, оно бессильно, звучит старческим слабым голосом. Разум потерян, если закипели на свободе страсти. Героическое сознание в этом виде не слышит слов, впечатляется, лишь боестолкновением, с последующими аргументами, – триумфом, либо поражением. Остается, впрочем, еще публичность, обращение к интересам народа.

«Грузный вином, со взорами песьими, сердцем еленя!
Ты никогда ни в сраженьи открыто стать перед войском,
Ни в засаду пойти с храбрейшими рати мужами
Сердцем своим не дерзнул, для тебя то кажется смертью.
Лучше и легче стократ по широкому стану ахейн
Грабить дары у того, кто тебе прекословить посмеет»
(Ил.1.225).

И подобный царь может вести войну и выиграть ее! – патетически восклицает Ахилл. Впрочем, сам он, несомненно, знает битву, ухватил нечто в этой войне, и об этом произносит четкое пророчество:

«Время придет, как данаев сыны пожелают Пелида
Все до последнего; ты же, крушася, бессилен и будешь
Помощь подать, как толпы их от Гектора мужеубийцы

Свергнуться в прах; и душой ты своей истерзаешься, бешен
Сам на себя, что ахейца храбрейшего так обесславил»
(Ил.1.240).

Агамемнон глух, слеп и непреклонен. Отвечая Нестору, он думает лишь о своем праве власти.

«Так, справедливо ты все и разумно, о старец, вещаешь;
Но человек сей, ты видишь, хочет здесь всех перевысить,
Хочет начальствовать всеми, господствовать в рати над всеми,
Хочет указывать всем, но не я покориться намерен»
(Ил.1.285).

«Ты не приказывай», – грозно обрывает его Ахиллес, —
«Слушать тебя не намерен я боле!
Слово иное скажу, и его сохрани ты на сердце:
В битву с оружием в руках никогда за плененную деву
Я не вступлю, ни с тобой и ни с кем: отымайте, что дали!
Что ж до корыстей других, в корабле моем черном хранимых,
Противу воли моей ничего ты из них не похитишь!
Или приди и отведай, пускай и другие увидят:
Черная кровь из тебя вкруг копья моего заструится!»
(Ил.1.295—300).

Жестко и властно – вот такие, царь, у тебя права, не более. Вот такой разговор.

Царь Агамемнон исполнил-таки свою угрозу, совершив заявленное уничтожение своего подчиненного, как же иначе! Отправил «бригаду», вывел Брисеиду на глазах у всех. Ахилл чудом сдержался, слушая наказ бога: «Смирись пока и нам повинуйся... Кто бессмертным покорен, тому и бессмертные внемлют». Эта фраза вошла в учебники, но нам следует понимать внутреннее состояние героя, замечательно переданное Гомером. Здесь нет смирения как освобождения души от гнева. Страшным, чудовищным усилием герой задавил, задушил свое сердце, отстранился от битвы, обездвигил себя и своих людей. Гнев же перелился в ужасную, чудовищную ненависть, гибельную для всех и ждущую своего часа. Впрочем, задачи прощения нет в этом мире. Герой имеет право на гнев как образ и подобие своего бога.

II. ЦАРСТВЕННАЯ ЭМОЦИЯ.

Гневу подвержены сами бессмертные боги. Гнев Аполлона на ахейцев вне условий, оговоренных богом, совершенно непреодолим. Бедствия Одиссея среди бушующего моря «прочитываются» как гнев Посейдона за унижение «выродка» Киклопа, тоже ведь «тварь божья»... Зевс жалуется Фетиде, матери Ахиллеса, что ее ходатайство за оскорбленного сына принуждает Верховного потерпеть гнев «Геры надменной». Прочие «дамы Олимпа», покровительствуя своим фаворитам, только и ждут случая, чтобы злобно расправиться с обидчиками и конкурентами. Вечно ждут. Человеку, пусть и благочестивому, по-видимому, невозможно прожить жизнь и не прогневать того или иного бога. Трудно угодить сразу всем высокопоставленным интриганам и честолюбцам. В конце концов, только Зевс способен навести здесь порядок. Вид этих существ – блистательных и непоседливых, могущественных и подчиненных, суетливых, склочных, праздных и все-таки блаженных – поистине странен. Можно допустить, что мы

имеем дело с олицетворенным сложным единством греческого мироздания, но именно здесь обнаруживается ведущий мотив космического согласия – страшный Зевесов гнев.

«Козни твои, о злотворная, вечно коварная Гера,
Гектора мощного с поля свели и троян устрашили!
Но я еще не знаю, не первая ль, козней преступных
Вкусишь ты плод, как ударами молний тебя избичую!
Или забыла, как с неба висела? Как две навязал я
На ноги наковальни, а на руки набросил златую
Верьвь неразрывную? Ты средь эфира и облаков черных
С неба висела, скорбели бессмертные все на Олимпе,
Но свободить не могли; приступая, кого ни настиг я,
С прага небесного мигом свергал, и слетал он на землю
Только что дышащий; сим не смягчился б мой гнев непреклонный», —
Он произнес, ужаснулась великая Гера богиня»
(Ил. 15.15—20).

Речь Зевса здесь характерная, как и вся фигура этого небожителя, восседающего в отдалении «на Иде высокой», напоминает некоего «Смотрящего» на Олимпе. Подобная терминология после работ М.К.Петрова вполне уместна. «Смелого ищи в тюрьме» – гласит русская поговорка («а глупого – в полах». В. Даль). Гнев, собственно, есть реакция «авторитета» на проявленное нарушение с некоторым назиданием – то, что прекрасно умеют преподавать «на зоне» или в казарме. Педагоги здесь великие, с чувством, с опытом, с талантом, с несомненной прочной культурой.

Встреча обывателя с «авторитетом» – обескураживает, мобилизует, вносит странную неопределенность в настоящую жизнь, – «выбивает почву из-под ног». Нечаянно «налетевший» на «авторитета» – уже, несомненно и крепко виноват, должен как-то оправдываться, держать ответ, играть роль, либо сражаться на смерть, точнее, умирать.

Здесь обнаруживается какая-то фундаментальная сложность бытия. Дело в том, что для обыденного сознания жизнь и смерть разведены, предполагается, что у человека есть выбор в этом плане, есть «пространство и время» для соответствующего размышления, формирования... Но перед «авторитетом» все сминается в чудовищную кашу. «Можа, убью, а можа, помилую... Не знаю. Вот, истинное слово сказал!» «Вот ты и бодрствуй предо мною!»

И глядит, эд ак, пытливо, знаете, весело, с укоризною... «Да ты, чай, сдрейфил, ваше благородие...» И неизменный античный хор – всевидящее око: «Га-га-га!»

Первобытная теневая структура власти не делегирует жизнь, бытие, но необратимо «понижает» другого человека. Обнаруживает его условность, тварность, хрупкость, и, главное, – довольно быстрое размежевание с идеалами. Голод, холод, принудительная бессмысленная работа, социальная отчужденность, будничное насилие, болезни, несправие, безмолвие. И, затем, в этой определившейся повседневности, новое явление авторитета, как Ваала- Хозяина данного места, своеобразного гения лагерной территории. И соответствующее назидание.

Общество поражает преступника в правах, временно размещает его «в местах лишения свободы», надеясь на перевоспитание, изменение ценностей, пробуждение ответственности в перспективе обретения свободы. Но «зона» обладает собственными ценностями и способна

донести их многим и многим. Внешние ограничения и внутренний режим органично преобразуются в последовательную идеологию насилия.

«Я был ошеломлен глубиной и разнообразием жизни. Я увидел, как низко может упасть человек и как высоко он может парить.

Впервые я понял, что такое свобода, жестокость, насилие. Я увидел свободу за решеткой. Жестокость, бессмысленную, как поэзия. Насилие, обыденное, как сырость.

Я увидел человека, полностью низведенного до животного состояния. Я увидел, чему он способен радоваться. И, мне кажется, я прозрел».

(Сергей Довлатов. «Зона»).

Новое видение человека, масштаба человеческого, трагизма его жизни, соприсутствия в нем добра и зла как равных грозных стихий, как двух бездн, - вот, трудная истина, подлинная природа и положение вещей в мире. Прочее, внешнее, бывшее, обычно отодвигается, отходит на второй и третий план, тускнеет, блекнет в условиях настоящего выживания, в повседневной страшной борьбе за себя, в оглохших и ослепших, несчетных, манихейских буднях зоны. Выходят отсюда люди, отягченные либо искалеченные некоторым новым знанием, опаленные ненавистью как глубокой истиной человеческого бытия. Внутренне проштампованные зоной, они иронично сдержаны в отношении мирного труда и гражданского строительства, с привычкой к бессильной праздности и эсхатологическим излишествам, с истероидными, а часто зверскими реакциями... Блатным сленгом, нечистым сладковатым фольклором, звучащим вновь и вновь по городам и весям Российской Федерации, несмотря на все смены политического курса и колокольный перезвон. Зона – территория будничного беззакония и авторитарного насилия, это постоянная инварианта русской культуры, рельеф русской души... Хочешь жить среди людей – готовься к бою, – вот простая и несомненная истина зоны и соответствующих поселений. Или, с другой стороны, когда молодой человек обделен, не справляется с мирной жизнью, он бежит на войну, – это также простейшая, архетипическая реакция, подтвержденная Л.Н.Толстым и К.Н.Леонтьевым. Там, ввиду опасности, смерти и крови, человек «мужает» приобретает, наконец, аскетический навык постановления себя в строй, по команде, скорому приготовлению ко всегда серьезному усилию битвы, а затем и вкусу простых человеческих вещей – есть, пить, спать, отправлять своевременно естественные надобности, – немалое дело ввиду смерти, увечий и последних усилий. Здесь же, пользоваться женщиной. Терять товарищей, добивать врагов. Проявлять повседневные «мужество и героизм» и, в сем внутреннем центрировании на серьезную опасность и минимализированную походную жизнь, обретаешь, наконец, равновесие духа и сдержанность манер, вводящих в почтительное заблуждение иного, непосвященного, то бишь мирного человека. А потом, в будущем, вне подобного военно-патриотического воспитания человек уже немислим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.